

КИКИМОРА

Да, село было большое, жителей много, жили все одинаково бедно, но судьбы у людей складывались у всех по-разному.

Были люди, на которых, как говорится, можно было молиться. Это учителя, наши бабушки и мамы.

Но я хочу рассказать о двух совершенно разных людях.

В первую очередь — это наш участковый милиционер. Звали его Петр Игнатьевич. Даже старики обращались к нему по имени отчеству. Обслуживал он несколько сел: Закопы, Яблонево, Верхний Изрог.

Транспорта у него не было никакого, везде ходил пешком. Покою он не знал ни днем, ни ночью. А ночами — особенно.

Он ходил, как тень, по селу, охраняя его покой.

Родителей его я не помню, они с ним не жили. С ним жила только сестра.

К нему шли за советом, за помощью. Грамотный, вежливый, всегда всех выслушает, подскажет, поможет.

Один раз был такой случай.

В селе Яблонево магазин стоял возле проезжей дороги. И какие-то залетные бандиты связали сторожа, вставили в рот кляп и бросили его за магазин. Магазин они обворовали.

А моя мама, в порядке подработки, помимо основной работы дояркой, взялась охранять в своем селе, в Закопах, магазин. Думалось, не страшно, летом ночи короткие, а днем, между дойками, она отдыхала. Так, после этого случая с грабежом, участковый по ночам приходил проверить не то, что она на работе — сторожит, а чтобы не сидела возле магазина, а сидела бы возле дома на противоположной стороне улицы, приглядывая, таким образом, за магазином. Мало ли чего!

Посторожив немного, мама отказалась. Страшновато было.

Сколько людей он от тюрьмы спас! Было время, когда за подобранный после уборки в поле колосок, за горсть зерна в кармане, за две — три свеклы, подобранные в поле, сажали в тюрьму.

Голодные, жестокие пятидесятые годы. Оклеветать могли любого. Он помогал, как мог. Вечная, добрая память живет о нем в народе.

А были и другие.

Жила в селе женщина. Жила одна. Активистка. Говорила тихим, вкрадчивым голосом, полунамеками. Обо всех, кто жил в селе, все знала, и всех шантажировала. Все ее боялись.

А тут еще и должность заняла она высокую! Сказать против — никто не смел ни одного слова. Когда видели, что она идет по селу — люди прятались, не хотели с ней встречаться. Помнила она о жителях все, что было и не было.

Зашла в дом к одному мужику:— Слушай Иван, скоси, пожалуйста, у меня возле дома траву. Сама-то я не могу, болею,— мило, скромно улыбаясь, попросила она.

Куда деваться? Мужик пошел, обкосил возле ее дома лопухи, крапиву, бурьян.

А она опять лисой к нему.— Иван, ты забери траву-то, мне она не нужна, а у тебя корова, годится. Бери, бери! — уже настаивает хозяйка.

Мужик понимает, что спорить бесполезно, да и опасно. Приехал на тележке, положил два навильня этого бурьяна и увез домой.

На следующий день эта женщина пришла к мужику домой и попросила, скромно так, не принесет ли его хозяйка ей молочка.

Хозяйка принесла молока, а женщина ее «обрадовала».

— Знаешь, мне много не надо сразу, а ты мне приноси по литровочке каждый день.

Так и носила ей женщина по литровочке постоянно, целый год, да и последующие годы. А Иван каждый год окашивал бурьян возле ее дома.

А другой женщине напомнила, зайдя к ней в дом, как та несла в фартуке горсточку колосков пшеницы с убранным уже поля.

Боясь оставить детей сиротами, женщина наложила ей яичек. С той поры так и стала платить «дань» яйцами.

Войдя в дом, эта страшная женщина здоровалась елейным голоском, спрашивала о здоровье и, между прочим, напоминала о каком-нибудь эпизоде:— А помнишь?..

А уж если кто попал ей на «крючок», соскочить было невозможно.

Но народная пословица гласит: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь».

Вечер. Уже стемнело. Идет она по дороге в сторону мельницы и видит, как мужик скосил на болоте, где был колхозный сенокос, вязанку травы и вяжет ее веревкой, собираясь унести.

Уверенная в своей наглости, она пошла прямо на мужика. Вокруг безлюдно, никого нет.

Мужик поднял косу и погнал ее в сторону болота, где всегда была трясина. Она понимала, что с ней не шутят, что за свою жизнь она очень много принесла горя своим односельчанам. Пришло время расплаты.

И так, пятясь от мужика, она упала в трясины, которая тяжело вздохнула, выпустив воздух. Она долго барахталась, но спасти ее было некому. Мужик ушел, боялся, что не выдержит, пожалеет ее.

И с тех пор, с весны до осени, в болоте между селами, постоянно слышится вой. Люди говорят, что это голосит кикимора, но выбраться из болота ей уже не дано.

Долго ей, натворившей много зла, придется оплакивать свою судьбу.

ВЫПЬ

Зима! Русская зима! Красавица в белоснежных нарядах! Кудесница зима! Волшебница зима!

Сколько восхитительных слов сказано о русской зиме. И она этого заслуживает.

Сколько чудес можно увидеть!

Посмотри утром в окно, и ты увидишь, как искрятся, переливаются снега. Легкий скрип снега под ногами поднимает настроение, придает бодрости. Морозец румянит щеки, ресницы стали пушистыми, белыми, дыхание вырывается белым паром.

Потеплело. Морозец спал, и пошел снег крупными ажурными, кружевными снежинками.

Разве это не чудо! Кто же их делает такими хрупкими и красивыми? Они все правильной формы! Как это может быть?

А ночью ударил мороз. Вышел месяц из своей хрустальной светлицы и не узнал привычный небо-склон.

Откуда взялось столько мерцающих, переливающихся звезд на искрящемся Млечном Пути?

А к утру — весь мир в белом наряде! Все бело и пушисто: и деревья, и дома, и провода, и изгороди. Каждое деревце стоит сказочной невестой.

Смотришь из окна и думаешь:— Боже! Как красиво! Это же настоящее Берендеево царство, такая первозданная красота! Сейчас выйдет кудесник дед Мороз со своим волшебным морозильным посохом, ударит им о землю, скажет свои волшебные слова, и эта красота останется навечно красивой русской сказкой!

Но, нет! Вдруг подул северный ветер, начал сбивать и рушить красоту предыдущего дня. Закружила метель, взмахнув своим волшебным белым крылом, и пошла такая кутерьма! Ветер ревет, свистит, гнет и раскачивает деревья. Дорогу замело. В окна стучат ветки деревьев, летят комья снега. Птицы и звери попрятались. Люди тоже стараются не выходить из дома. Смотрят в окно и думают: «Какая же сила в природе! И никогда она не будет подвластна человеку, никогда он не сможет накинуть на нее узду, как на строптивую лошадь. Нет! Не дано!».

Подходят зимние праздники: Новый год, Рождество, Старый Новый год, Крещение. Самая середина зимы. А она уже постаралась: намела огромные сугробы, небольшие низкие деревенские дома замела по са-

мые крыши.

Утром невозможно открыть дверь. Но люди радуются такому обилию снега, ведь поля тоже накрыло толстым снежным покровом. Озимым тепло, их мороз не достанет, а для яровых накопится весной много влаги. Природа все продумала и обо всем позаботилась.

Почему-то особенно запомнилась ночь под Рождество.

По едва заметной дороге, проходившей посередине села, в пять часов утра идут на работу доярки.

В шесть часов утра начиналась утренняя дойка.

Мороз был более двадцати градусов. Тихо. Ночь светлая. Скрип шагов под ногами разносится далеко, как хвалебная песня празднику.

Хозяйки затопили печи.

Нет такого дома, где бы к этому празднику не пекли пироги. Белесый дым, стройным столбом от торчащих на крыше труб, поднимается к небу. И так над каждым домом. Поскольку село было большое и дома стояли плотно друг к другу, то в вышине отходящие столбы дыма казались стоящими в ряд могучими былинными великанами, которые охраняют мир и покой села.

Ароматный запах пирогов заполнил все пространство.

Где теперь эта красота?

Даже зимы теперь стали другими, более теплыми. Нет трескучих сорокаградусных морозов, когда на лету замерзали птицы. Нет огромных сугробов, в которых утопали ребятишки, идя в школу. Да и ребятишек стало мало, село обезлюдело. Дома еще продолжают свое существование, многие стоят обновленные, но прежних жителей уже нет, в селе в основном живут переселенцы из Казахстана и других республик бывшего Советского Союза.

Удивительное дело, ведь и прожила-то я не так уж много лет, а все изменилось. Часто вспоминаю ту — послевоенную пору. Как бы ни было трудно, но люди работали, старательно поднимая и колхоз, и свои хозяйства.

Детей было много, и они были хорошими помощниками. Работать они учились у взрослых, подражая им во всем.

Конечно, люди, как и везде, были разные. В основном это были добрые, трудолюбивые, отзывчивые. Были и другие: хитрые, ленивые, вороватые. Правда, такие люди были как исключение. Вот о судьбе одного такого человека я и хочу рассказать.

Незадолго до войны, в тридцатых годах, пришли в наше село два мужика. Они нанимались на разные строительные работы: кому сарай сложить из камня, кому сенцы; избу перекрыть, русскую печь сложить, потолок или пол перебрать. Короче, брались за любую работу.

Хорошим мастером был мужик лет около шестидесяти, а молодой парень был у него помощником.

Село большое, домов много (в селе насчитывалось три сотни домов), работы хватало. Работали они с весны и до поздней осени. За работу брали и деньгами, и продуктами: зерном, картошкой, мясом.

Чьи они и откуда пришли — никто не знал, сами они о себе ничего не рассказывали. После работы они уходили в дом к хозяйке, где они жили все время. Снимали они этот дом уже не первый год. Старший отправлялся на отдых, а молодого парня весна звала на улицу, где гуляла молодежь.

Звали парня Еремой. Редкое в наших местах имя. И приглянулась ему одна местная девушка, красивая и, из-за этого, надменная, гордая.

Небольшого роста, невзрачный, чужой паренек ей не нравился, но у этого неказистого парня водились деньги. Не каждая девушка решилась бы ответить на его ухаживания, а вот она подумала и согласилась.

Парень не стал долго думать и посватался.

Сыграли свадьбу.

Старший мужчина помог молодому построить небольшой дом, сарай, погреб, и молодые зажили своей семьей. Старший ушел, и больше его в селе не видели.

Молодая семья жила тихо. Ерема стал работать в колхозе конюхом. Жена не работала, растила детей. Работать она не хотела. Ведь женщины в основном работали все в колхозе, и дети были у каждой. Но уговоры на нее не действовали и, в конце-концов, от нее отстали.

А дальше пришла страшная беда: началась война.

Все мужчины села ушли на фронт, а Ерему почему-то не взяли. Вместе с ним, на все село осталось еще четыре мужика: один — слепой, один калека да два старика. Все. И остались женщины села без защиты, без помощи.

Но колхоз продолжал жить: пахали, косили, убирали, и отправляли хлеб государству, в помощь фронту.

Подсобное хозяйство пытались сохранить. Чтобы прокормить коров, овец — косили по неудобьям.

Но вот странное дело, Ерема держал и корову, и овечек, а на сенокосе замечен не был. Никто не видел его с косой в руках.

Шло время, и как-то стали замечать, что пропадают разные вещи: молоток, топор, кусок железа и другие мелочи. На селе двери на замок никогда не закрывались, люди знали друг друга и доверяли всем.

Как-то незаметно, по одной, стали пропадать куры. Может, лисы?

Война шла к концу, в деревне стали появляться раненные, покалеченные солдаты, те, кого по ранению комиссовали.

Женщины выходили встречать их всем селом, все плакали, некоторые — голосили, но все надеялись, что их мужья, отцы, братья скоро вернуться.

Наконец пришла Победа!

Вернулись с фронта еще с десяток мужчин, но кто — без руки, кто — без ноги, контуженные, искалеченные.

Очень многим женщинам пришлось носить черные платки. Трудно об этом вспоминать.

Война, своим безжалостным жалом, прошлась по всем семьям. Сколько же горя и страданий принесла она людям! Почти в каждом доме остались вдовы и сироты.

Но силы духа русскому человеку не занимать!

Краюха ржаного хлеба — та самая малость, чем сыт будет веками русский, неприхотливый человек, отдающий себя до самоистязания работе, молитве, бою смертному и укреплению духа своего.

Все дружно взялись за подъем разрушенного войной хозяйства: ремонтировались конюшни, коровники, техника; стали строить ремонтные мастерские, нефтебазу; стали разрабатывать карьер, где брали камень и щебень на стройку. Работа кипела, но и кражи стали происходить чаще. Это коснулось и нас.

Был такой случай.

В конце декабря мама с бабушкой к празднику Георгия Победоносца зарубили гуся. Разделали его, вымыли и повесили в сенцах обтекать. Были сумерки, но еще не совсем темно. Я шла домой от подруги и, подойдя уже близко к дому, вижу, что открывается уличная дверь и какой-то мужик держит за лапки тушку гуся. Я закричала, стала звать маму, а мужик, вместе с гусем, побежал в сторону кладбища...

Я говорю маме, что вот сейчас у нас украли гуся. Но мама как-то безразлично отреагировала. Ну, украл и украл.

А потом я вспомнила. У одного мужчины украли вилы. Он пошел к Ереме, нашел их у него и избил его этими вилами. Следом за этим, у него на огороде за домом сгорел стожок сена. Хорошо, что не дом. И я поняла, почему так отреагировала мама.

А Ерема все больше наглед. Птица пропадала все чаще.

Однажды один сосед помог другому зарезать барана. Они его разделали: шкуру сняли, распотрошили, вымыли и повесили за задние ноги, чтобы обтекал. Пошли в дом отдохнуть. Через несколько минут вышли, а барана нет. Они, не сговариваясь, сразу пошли к дому Еремы, что был недалеко. Стали искать, куда он его спрятал? Обыскали дом, двор, сарай, погреб — нет ничего. А в конце огорода, к болоту, в кустах стоял стожок сена. Там они и нашли тушку барана. Привели туда Ерему и били они его долго и жестоко. Полуживого, они оставили его там, привязав к нему голову барана.

Но он не умер. Только больше его никто не видел.

А на стожке сена появилась странная птица, похожая на грача, но не грач. У нее на голове была черная, с зеленым отливом, шапочка. Сама голова и шея были кремово-белые, брюхо — охристое, с беловатыми окончаниями перьев. Когда она вытягивалась, то становилась тонкой-тонкой, и вся — в желтые и коричневые полосы раскрашена. А по спине у нее змейкой извивалась полоска черных перьев. Клюв — желто-зеленый. Крылья и спина — черные, с зеленым отливом. И она так сильно, скрипучим голосом, кричала.

Сельчане узнали про эту историю и говорили, что это болотная птица ВЬПЬ, что в нее вселилась душа этого ворюги, и, по ночам, страдая, она кричит жутко — жалобно.

Так бесславно закончилась жизнь этого, неизвестно откуда, пришедшего в село человека.